

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ПЛЕННЫХ ВЕЛИКОЙ АРМИИ (по материалам Саратовской губернии)

Проблема военнопленных Великой армии в последнее время занимает значительное место в отечественной историографии. Есть в ней и несколько работ, посвященных пребыванию пленных в пределах Саратовской губернииⁱ. Однако в специальной литературе вопрос о бытовой стороне их жизни еще не освещался в полном объеме.

Прибытие в Саратовскую губернию большой массы пленных поставило перед местными властями задачу по снабжению их всем необходимым, в соответствии с существующей нормативно-правовой базой. Для размещения пленных отводились либо общественные здания, либо «обывательские квартиры» на основании квартирной (постоянной) повинности. Причем офицеры обычно распределялись в дома зажиточных купцов и мещан, а нижние чины - в крестьянские и мещанские избы. Например, старший хирург Ф. Мерсье вспоминал, что по прибытии в Сердобск «нас, офицеров, пригласили остановиться в лучших домах города», а «остальная же часть наших солдат была размещена среди жителей...»ⁱⁱ.

В Саратове, напротив, в «облегчение жителей» для помещения пленных отводились отдельные здания. Под них, например, освободили двухэтажный деревянный дом «на горах» Саратовского военно-сиротского отделенияⁱⁱⁱ. Очевидно, именно его описывает все тот же Мерсье: «По прибытии в Саратов в наше распоряжение была предоставлена какая-то старая казарма. Но она оказалась совершенно не приготовленной к нашему прибытию; не позаботились даже протопить печи. Но посреди двора ее нашелся значительный запас дров, и мы тотчас же поспешили воспользоваться ими, чтобы затопить печи тех комнат, где нам предстояло разместиться. Казалось, никто здесь не заботился о нас...»^{iv}.

Однако последнее заявление не вполне соответствует действительности. 25 сентября 1812 г. командир Саратовского гарнизонного батальона майор И.Г. Сырбоярский попросил городскую думу заготовить необходимое количество соломы на подстилку для пленных этой партии и «в каждую комнату по столу». А 18 октября он же предписал думе доставлять сюда воду, дрова и свечи, «а равно и все потребное к удобному их (пленных. - *В.Т.*) там содержанию на счет городских доходов; для состоящего же при них караула сделать сошки».

Исполнение этого предписания было поручено гласному думы Кокушкину с тем, чтобы он ежемесячно подавал подробный отчет. Согласно отчетам, для пленных были закуплены лопаты, топоры, корыта, деревянные ложки, чашки, ведра, чугуны, веники, метлы, рогожи и прочая мелочь на сумму 535 руб. 7¹/₂ коп.

Одновременно в помещениях был произведен серьезный ремонт, осуществленный силами нанятых плотника и печника, за который 17 декабря 1812 г. гласные Лобанов и Кокушкин попросили думу выдать им 1175 руб. 40 коп. На основании представленного счета видно, что для переборки под крыльцом было куплено 17 брусков и 163 доски, а для переделки печей приобретено 2 тыс. штук кирпича, песок и глина. Кроме того, на окнах сделали железные крючья и «фортки».

И впоследствии подрядчики регулярно поставляли жившим здесь пленным дрова, сальные свечи и воду. Так, саратовский мещанин Сергей Рукавишников просил городскую думу о выдаче ему 111 руб. 25 коп. за то, что он ежедневно с января по июнь 1813 г. доставлял воду для военнопленных в Военно-сиротское отделение. В делах Саратовской городской думы сохранились и другие сведения о возврате различным лицам денег, израсходованных ими на покупку военнопленным необходимых вещей: гласный Гаврила Рощин просил об уплате ему денег, затраченных на приобретение для пленных 171 рогожи и соломы, Иван Ящерицын и Иван Грачев - при покупке дров, Кокушкин - при доставке 19 фунтов

сальных свечей^v.

Нет сомнений, что при этом некоторым должностным лицам удавалось нажиться за счет средств Квартирной комиссии. Например, 1 ноября 1812 г. губернатор А.Д. Панчулидзе предложил городскому голове И.А. Волкову «сделать немедленное распоряжение»

Комиссии поместить находившихся в Саратове офицеров наполеоновской армии, числом до 50 человек, в дом, принадлежавший представителю местной дворянской фамилии Есиповых, и тем заменить «несколько квартир ими занимаемых». Комиссия должна была из своих сумм обустроить помещение и побеспокоиться «на счет заплаты г. Есипову потребного числа денег за занятие постоем его дома, ибо без платы было бы для него отяготительно отдать весь дом тогда, как всякий житель обязан только уделять под постой несколько комнат». Нет сомнений, что оборудование, отопление и освещение здания, а также «плата» за него оказались весьма недешевы, тогда как прежний порядок размещения пленных преимущественно в домах обывателей не требовал почти никаких расходов^{vi}.

По мере увеличения численности пленных их стали размещать на постой к местным жителям. Подполковник К.Х.Л. Шенк писал, что в Саратове он «имел счастье получить достаточно хорошую квартиру у одной пожилой женщины совместно с подполковником 3-го французского егерского полка С[ен]-Марсом». Лейтенант К.А.В. Ведель «и Бюло были поселены у одного русского портного», а после вместе с компаньонами «получили в свое распоряжение маленький дом на берегу Волги, в котором кроме нас никто не проживал». Лейтенант Ж.Р.Р. Вьейо, вспоминая о своем пребывании в Саратове, также писал: «По обычаю меня расположили в избе с еще тремя или четырьмя другими пленными»^{vii}.

Схожие условия содержания военнопленных были и в уездных городах Саратовской губернии. Лейтенант Ф. Пепплер, оказавшись в Камышине, «получил... квартиру у одного немецкого столяра», а позднее разместился с другом «у одного бедного немецкого портного...». Врач С.Б. Пешке в Петровске перебирался с одной квартиры на другую, пока городничий не предложил ему «комнату в своем доме, что я с благодарностью принял и переселился туда»^{viii}.

Предоставление жилья находилось под контролем губернатора. Например, А.Д. Панчулидзе предписывал кузнецкому городскому голове всеми мерами содействовать кузнецкому городничему «как в отношении отвода для пленных удобных и нехолодных домов, так и снабдения их всеми должными потребностями, как-то водою, соломою и прочим тому подобным»^{ix}.

Впрочем, пленные, в первую очередь офицеры, могли снимать жилье за собственный счет. Мерсье, не имея возможности принимать пациентов в помещении, где жили пленные, «снял, прекрасно устроенную меблированную во французском стиле квартиру в двух шагах от губернаторского дома. <...> Многие... - вспоминал он, - последовали моему примеру и сняли для себя... отдельные квартиры в городе»^x.

Поводом для переезда на жительство могло стать и приглашение. Колонист Христов Шеффер, встретив в Саратове среди пленных своего родственника - «уроженца Вестфальского из местечка Вольмерслебена Андреаса Бейнгофена», попросил «взять его к себе в колонию Гололобовка... на свое попечение...»^{xi}.

Бытовые условия, в которых содержались пленные по прибытии на место, были, за некоторыми исключениями, вполне приличными. Их денежное содержание основывалось на циркулярных предписаниях от 29 августа, 29 октября, 14 и 15 ноября 1812 г., 22 июля и 29 августа 1813 г. и зависело главным образом от их чина и национальной принадлежности. Базовый циркуляр от 29 августа 1812 г. определял суточное довольствие пленных следующим образом. Генералам полагалось по 3 руб., полковникам и подполковникам - по 1 руб. 50 коп., майорам - по 1 руб., обер-офицерам - по 50 коп., а унтер-офицерам, рядовым и нестроевым - по 5 коп. и провиант «против солдатских дач»^{xii}, т. е. такой же, как русским солдатам. Уточним, что ежесуточная «Петровская дача» солдата в русской армии

составляла 2 фунта 40 золотников ржаной муки, которые могли заменяться хлебом или сухарями, и 24 золотника крупы, остальной «приварок» покупался за артельные деньги^{xiii}.

Кроме того, 29 августа 1813 г. последовало дополнительное распоряжение правительства, которым разрешалось выплачивать женам военнопленных те же суммы, какие были назначены их мужьям^{xiv}.

Деньги выдавались на семь дней вперед, хотя Пепплер пишет о получении «пятидневного денежного содержания», а у Шенка читаем: «Мы обязаны были... каждые восемь дней являться к полицмейстеру для получения нашего жалования»

. Пленные путаются и в определении дня, когда это происходило: «первого числа каждого месяца» (по версии Мерсье) или «каждую субботу» (по версии Веделя)^{xvi}.

Провиантские деньги перечислялись из казначейств в городские думы для раздачи обывателям за снабжение пленных мукой и крупой. Их размер зависел от рыночных цен на хлеб в каждом отдельном регионе. Например, в Кузнецком уезде Саратовской губернии в апреле 1813 г. продовольственное обеспечение, полагавшееся на каждого военнопленного, составляло 1 руб. 81 коп., в мае - 2 руб. 16% коп., в июне - 1 руб. 95% коп., в июле - 2 руб. 23 коп., в августе - 2 руб. 22 коп.

Военнопленные, находившиеся в медицинских учреждениях на лечении, «пользовались особенным от казны содержанием». Поэтому за то время, пока они находились в госпиталях и лазаретах, провиантские деньги, полагавшиеся на раздачу обывателям за продовольствие, городские думы должны были вернуть в уездные казначейства^{xvii}. Местные власти могли сохранить за собой и все денежное довольствие больных из числа пленных, содержащихся в медицинских учреждениях, под предлогом приобретения продовольствия и поддержания чистоты и порядка в лазаретах^{xviii}.

На отпускаемые средства пленные сами должны были позаботиться о столе для себя, а также и обо всем необходимом по устройству в отведенном им помещении, которое предоставлялось бесплатно. Одни офицеры в этом полагались на хозяев и платили «за питание при столе хозяина 2 рубля в неделю», другие для облегчения своего положения и ведения совместного хозяйства образовывали артели^{xix}.

«Выдаваемого нам жалованья было даже более чем достаточно для удовлетворения всех насущных потребностей...»^{xx} - отмечал Ф. Мерсье. Многие в своих воспоминаниях приводили цены на покупаемые товары. Вьейо писал о Саратове: «Зайца (без шкуры) здесь продают за 2 пятака, 10 копеек или пол рубля, что в наших деньгах будет около 10 су, иногда меньше. Глухарь, который в России достаточно распространен и весьма желаем, стоит 5 пятаков или 30 копеек. Молоко, рис и другие продукты питания, которые можно добыть себе зимой, не столь дороги как в центре России. Замороженное мясо и рыба так же по очень низкой цене за ливр»^{xxi}. Впрочем, мемуаристы, побывавшие и в Саратове, и в Пензе, отмечают, что в Саратове рыночные цены были выше^{xxii}.

Но если продукты были дешевы, то предметы туалета и ткани показались пленным дорогими^{xxiii}, а между тем многие из них нуждались в одежде и обуви. Дневник саратовского протоиерея Н.Г. Скопина не раз сообщает: «Иные одеты хорошо, а другие лишены всего», «Жалкое их состояние! Не обуты и не одеты»^{xxiv}.

В результате военнопленным обер-офицерам в предписании главнокомандующего в Петербурге С.К. Вязмитинова от 2 октября 1813 г. было разрешено для приобретения одежды выдавать по 100 руб. Что касается нижних чинов, то было решено менять одежду только тем из них, «которые за увечьем или совершенною дряхлостью в работу употребить себя не могут; а прочие все исправлять себе оную должны из зарабатываемой платы»^{xxv}. Информация об исполнении этого распоряжения в губернии отложилась в воспоминаниях многих саратовских пленных^{xxvi}, на которые не обратил внимание С.Н. Хомченко, утверждавший, что «по Саратовской губернии сведений [об этом] не найдено»^{xxvii}.

Медицинское обеспечение военнопленных регулировалось указаниями из столицы, суть которых раскрывают циркулярные предписания Министерства

полицейской. В соответствии с одним из первых циркуляров Вязмитинова от 29 августа 1812 г. заболевших пленным следовало «отдавать для излечения в городские больницы»^{xxviii}. В Саратове пленным помещали в Александровскую больницу, где, например, лечился унтер-лейтенант С.Э. Рюппель^{xxix}, в Царицыне - «в гошпиталь». В остальных городах, за исключением Камышина, военнопленных врачевали «в отведенных квартирах»^{xxx}.

Там же, где больных скапливалось слишком много, организовывались импровизированные лазареты. Мерсье вспоминал, что в Сердобске больных пленным разместили «в помещении, специально уступленном для этой цели... Это была часовня»^{xxxi}, или, вернее говоря, протестантский храм»^{xxxii}. С.Б. Пешке писал, что в Петровске «было принято решение предоставить мне четыре дома в городе под лазареты», а «лекарства были доставлены из государственной аптеки из Саратова»^{xxxiii}.

Установить причины болезни и смерти большинства пленным, особенно в первые осень и зиму, не составляет труда - это простудные заболевания, недостаток должного лечения и питания. И только «в Камышине больных и умерших во все время там нахождения на жительстве военнопленных, не было»^{xxxiv}.

В дальнейшем предписания из столицы регулировали вопросы использования в лазаретах врачей из пленным, устанавливали порядок представления в столицу сведений о количестве больных, выздоровевших и умерших военнопленных с момента поступления их в больницы и «гошпитали», определяли санитарно-гигиенические и противоэпидемические меры.

Медицинский департамент в предписании от 16 декабря 1812 г. «О принятии мер к отвращению болезней» указал на недопустимость «близкого сообщения» между пленными и местными жителями, для чего больных пленным следовало помещать в «особыя для занемогающих жилища» и вместе с тем призывал обывателей оказывать пленным «христианское призрение». В этом же документе важнейшей мерой по нераспространению эпидемических заболеваний признавалось «глубокое зарытие или сожжение» тел умерших военнопленных»^{xxxv}.

19 декабря 1812 г. Министерство полиции распорядилось: «По чрезвычайному недостатку в медицинских чиновниках... для пользования» пленным было разрешено «употреблять пленным же врачам... чтобы по их рецептам были отпускаемы из аптек медикаменты... При сем... чтобы пленные врачи, не быв экзаменованы у нас... ни под каким видом не употреблялись для лечения наших жителей»^{xxxvi}. Последнее, в связи с нехваткой врачей, соблюдалось далеко не всегда: большой популярностью у местных жителей пользовались не только профессиональные врачи Мерсье и Пешке, но и самозванцы типа Брауна»^{xxxvii}.

Размещение значительного количества пленным во внутренних губерниях вносило определенное беспокойство в размеренную жизнь уездных городов и создавало большие трудности для местных властей. От военнопленных можно было ожидать и организованных выступлений, и просто противоправных действий из хулиганских побуждений, справиться с которыми подчас было довольно сложно. Поэтому они находились «при строгом, однако же, надзоре со стороны полиции за их поведением» и без права переписки»^{xxxviii}.

Гражданские губернаторы рассылали городничим и земским исправникам ордера, которые регламентировали их действия при осуществлении этого надзора, а караулы снаряжались из солдат гарнизонных батальонов и инвалидных команд. По воспоминаниям Шенка, «первые четырнадцать дней после прибытия в Саратов к нашей квартире ежедневно приставлялся солдат-охранник от местной гарнизонной службы; когда мы покидали ее, он должен был нас сопровождать; позднее его не стало...». В Петровске, как свидетельствует Пешке, «над нами осуществлял род полицейского надзора некий отставной капитан»^{xxxix}.

При этом пленные офицеры пользовались гораздо большей свободой, нежели нижние чины. Мерсье отмечал, что в Саратове им разрешалось свободно

передвигаться по городу и даже удаляться за его пределы «на несколько миль, возвращаясь только ночевать обязательно к себе на квартиру», а с разрешения губернатора «предпринимать и более далекие путешествия... в пределах его губернии». Вполне солидарен с ним и Ведель, который пишет: «Мы также совершали далекие прогулки, поскольку были свободны, как птицы в полете, и могли уходить так далеко, насколько нас могли увести ноги»^{xl}.

Через Министерство полиции пленным в Саратов переправлялись письма, посылки и деньги. Например, 29 ноября 1812 г. были отосланы письмо и пять наполеондоров для поручика 3-го португальского пехотного полка Людвиг Миранды, 31 декабря - 500 руб. ассигнациями для доктора итальянской гвардии Жана Страмбо, 19 января 1814 г. - посылка с книгами для офицера Альфонса Ноенвиля и т. д.^{xli} Кроме того, 27 марта 1814 г. от Библейского общества «для раздачи пленным» в Саратов были отправлены 40 экземпляров французских Библий, 60 экземпляров Нового Завета на французском, 14 - на немецком, по 10 - на итальянском и голландском и один - на датском языках^{xlii}.

В свою очередь 8 апреля 1813 г. Вязмитинов подписал распоряжение «о представлении писем пленных и других лиц вовнутрь России сосланных для освидетельствования». Это распоряжение косвенным образом признавало право военнопленных вести переписку, которая ранее была запрещена, а 20 мая последовало новое секретное предписание, которым следовало предупредить военнопленных, «что они впредь должны все письма открытыми представлять тому начальству, в заведывании коего находятся», и запрещалось принимать корреспонденцию пленных на почте^{xliii}.

Досуг военнопленных состоял из игры «в карты на очень небольшие ставки», чтения книг из библиотек саратовцев, самообразования, походов в гости друг к другу и в немецкие семьи. Высшее общество Саратова приняло пленных офицеров в свой круг, они бывали на званых вечерах и балах с непременным угощением, карточной игрой и танцами^{xliv}. То же самое можно сказать и об уездной верхушке. Пепплер вспоминал, что комендант Камышина, «когда его посещали офицеры из соседних гарнизонных городов... вытаскивал нас на дружеские и почетные обеды», а Пешке свидетельствует, что был приглашаем к столу петровского городничего и уездного лекаря^{xlv}. Местом проведения досуга пленных была также Волга: они неоднократно приходили сюда, чтобы поглазеть на корабли, заезжих торговцев или купающихся или искупаться самим^{xlvi}. Другие их развлечения, как и основной массы саратовцев, по большей части были связаны с религиозными праздниками, особенно с Масленицей^{xlvii}.

Единицы находили себе серьезное дело, среди них инженер-лейтенант, а в будущем генерал и член Парижской и Петербургской академии наук Ж.В. Понселе. Попав в плен под Красным, он с марта 1813 по июнь 1814 г. прожил в Саратове. Здесь Понселе написал шесть толстых тетрадей (по самым скромным подсчетам не менее 600 страниц, из которых около 400 содержат оригинальные и глубокие геометрические исследования), положивших начало проективной геометрии. Эти записи легли в основу его классического труда «Трактат о проективных свойствах фигур», опубликованного в 1822 г.^{xlviii}

По циркулярному предписанию С.К. Вязмитинова от 14 января 1813 г., разрешалось употреблять пленных солдат - для облегчения их содержания - на различные простые работы. Таким образом, был легализован физический и интеллектуальный труд военнопленных, который уже применялся как местными властями, так и частными лицами, в первую очередь дворянами. В этом же году саратовский губернатор объявил, что желающие могут взять к себе для работы «пленных, знавших то или иное ремесло, а равно художников»^{xlix}.

По свидетельству Мерсье, многие офицеры «стали давать уроки французского языка, другие брались за преподавание математики, фехтования, рисования и т. п.». Большинство солдат также «нашло себе кое-какой заработок своим мастерством»^l. Например, в Балашове итальянцы изготовляли очень красивые плетеные изделия из

соломы на продажу, а поскольку этот промысел прежде не был здесь известен, зарабатывали таким способом хорошие деньги. Другие пленные наладили производство искусственных цветов и соломенных шляп, которые успешно сбывались саратовским модницам^{li}. Кроме того, «французские солдаты часто приглашались в качестве камердинеров знатных дворян или поваров»^{lii}.

Широко практиковался отпуск пленных в саратовские колонии: ко 2 мая 1813 г. туда было отпущено 53 человека «разных наций военнопленных», а в июне для поселения в работу доставили 21 пленного из Пензы. В результате к осени 1813 г. не было ни одного округа или колонии, которые не приняли бы к себе пленных. Отпуск в работу осуществлялся с разрешения губернских властей «по обоюдному» согласию нанимателя и работника. Размер оплаты составлял от 4 до 6 руб. в месяц, сверх того хозяева должны были снабжать работников «приличною времени [года] одеждою»^{liiii}.

Правительство России внимательно следило за положением военнопленных. В декабре 1812 г. в ответ на «слухи, что в некоторых губерниях обходятся с пленными жестоко, лишая их собственности, им принадлежащей», последовал циркуляр гражданским губернаторам «в предосторожность» с тем, чтобы они и их подчиненные уважали «права человечества», с предупреждением, что виновные будут преданы «всей строгости законов»^{liv}.

Однако отношение жителей Саратовской губернии к военнопленным в целом было совершенно иным, нежели в разоренных войною губерниях. Мерсье вспоминал, что с момента прибытия в Саратовскую губернию пленные почти на каждом шагу встречали со стороны населения выражения симпатии и расположения, причем не только в деревнях, где пленных хорошо принимали крестьяне, но и в городах, где их навещали дворяне. Светские дамы проявляли к пленным особенное сочувствие, а вслед уходящей партии отправлялись белье, теплая одежда, обувь и вино^{lv}.

«С нами обходятся в высшей степени гуманно...» - свидетельствовал шеф батальона А. Кудрё брату в письме от 21 мая 1814 г. «Нам посчастливилось, - продолжал он в письме от 10 октября, - в лице губернатора найти великодушного и гуманного человека...»^{lvi}. К.Хр.Л. Шенк также вспоминал, что саратовский губернатор «отличается своим дружеским поведением по отношению к нам, офицерам, и, совершенно особенно, выделяется своим гуманным отношением с военнопленными солдатами». Радужный прием ждал их и у немецких поселенцев, которые «были очень рады тому, что получили возможность вновь встретиться со своими соотечественниками»^{lvii}.

Зато саратовское купечество произвело на пленных неприятное впечатление. Шенк вспоминал, что всякий раз, когда пленные появлялись на базаре, в их адрес следовали ругательства, которые распространялись от лавки к лавке. Только когда удавалось ответить на русском языке очень резко и грубо - этому пленные научились от польских офицеров - восстанавливался мир. Как правило, им приходилось оплачивать все на порядок дороже, чем прочим жителям. Из-за такого обращения пленные вынуждены были прибегать к помощи иностранных купцов, которые покупали для них нужные товары^{lviii}. Саратовское купечество произвело неприятное впечатление и на Мерсье, который писал, что население Саратова по преимуществу торговое, где каждый занят своими делами, а дух наживы, по его словам, подавлял другие душевные качества^{lix}.

Саратовское чиновничество запомнилось иностранцам своим взяточничеством, которое «является... обычным явлением»^{lx}, а «попы, или низший класс русского духовенства» - необразованностью. «О научных знаниях у них не может быть и речи, - вспоминал Шенк, - я не встретил ни одного, кто понимал бы латинский язык»^{lxi}.

Из-за радушного в целом приема, покидая чужбину, даже такой пессимист, как Понселе, признавался: «Когда в июне 1814 года... я должен был внезапно покинуть Саратов, место моего пребывания в нужде и изгнании... я не мог сдержаться от

глубокого волнения»^{lxii}. Кстати, уезжая, он захватил с собой из Саратова русские торговые счета (« русскую счетную машину»), которые с тех пор распространились в иностранных школах в виде наглядного пособия^{lxiii}.

Некоторые пленные во время своего пребывания на территории губернии стремились к более глубокой интеграции в русское общество. Уже на заседании 21 января 1813 г. Комитет министров рассматривал внесенную Вязмитиновым записку о желании нескольких пленных в Саратовской губернии принять греко-российскую веру. Саратовский губернатор ставил перед петербургскими властями вопрос, следует ли после крещения считать их по-прежнему военнопленными, или «дать им свободу на избрание рода жизни». Однако Комитет решил дозволить крестившимся в православие пленным избрать род жизни только в том случае, если они примут еще и присягу на подданство^{lxiv}.

Вообще русское правительство было заинтересовано, чтобы какая-то часть военнопленных осталась в России на постоянное жительство. Поэтому 6 февраля 1813 г. Контора опекунов иностранных получила предписание министра внутренних дел предложить пленным поселиться «между колонистами... для зарабатывания содержания у поселенцев и приобретения со временем участков земли под заселение, без всякой от казны денежной ссуды»^{lxv}. В результате «нас часто спрашивали, - читаем у обер-лейтенанта Х.Л. фон Иелина, - не хотим ли мы остаться в России; нам будут отведены земли в немецких колониях в Саратовской губернии и т. д.»^{lxvi}.

Циркуляром от 4 июля 1813 г. губернаторам предписывалось приводить согласившихся нижних чинов к присяге и сведения о них доставлять в Петербург, а информацию об офицерах, пожелавших остаться в России, представлять на рассмотрение в Министерство полиции. В ноябре того же года министр внутренних дел О.П. Козодавлев внес на утверждение в Комитет министров «Правила, коими руководствоваться, принимая военнопленных в подданство России»^{lxvii}.

В результате почти к каждой колонии были причислены новые поселенцы из числа пленных, ибо «склад жизни колонистов более подходил к жизни военнопленных, чем нравы саратовских купцов и мещан». Ф.В. Духовников считал, что пленных, пожелавших остаться в Саратовском крае, было «много», но не указал их общее число^{lxviii}. Напротив, Я.Е. Дитц писал о «нескольких человеках» и привел далее всего восемь фамилий^{lxix}. Мною же выявлено около 180 человек (в том числе один доктор штаб-офицерского звания), нашедших себе прибежище в немецких колониях^{lxx}.

В самое короткое время многие из них обзавелись своими хозяйствами и даже семьями. Поэтому, когда 17 августа 1814 г. вышел указ о возвращении пленных всех наций, присягнувших на подданство, по их желанию в свое отечество, 4 сентября 1814 г. Контора получила предписание о праве новых поселенцев, даже присягнувших на верность, вернуться на родину, воспользовались им считанные единицы^{lxxi}.

Несколько десятков бывших пленных поселились в самом Саратове во 2-м и 3-м кварталах Немецкой слободы (позднее ул. Немецкая, ныне проспект им. С. М. Кирова). Большинство из них было занято в ремесленно-промышленном производстве или в сфере обслуживания. Имена некоторых дошли до нас. Француз Риго прославился женитьбой на богатой помещице Ахлебениной, владевшей именьями в Саратовской и Тамбовской губерниях. Итальянец из Милана Петр Иванович Кайро попал в историю Саратова, открыв в конце 1815 г. первую в городе лавку курительного и нюхательного табака^{lxxii}. Военный лекарь Иван фон Теин, оказавшийся в плену после выхода армии Наполеона из Москвы, стал известен как врач крупных помещиков Юрьевича, Бахметева и др. После отмены крепостного права он имел частную практику в Саратове, где умер в возрасте 90 лет, оставив дочь Екатерину Ивановну Ильину^{lxxiii}.

Любопытна и личность унтер-офицера французского 11-го гусарского полка

Луи Жерсе, попавшего в плен под Оршей 21 ноября 1812 г. По всем спискам он проходил как француз, но когда в 1816 г. правительство стало уточнять сведения о бывших военнопленных, принявших подданство России, о Жерсе было сообщено, что он - англичанин. Тогда была уточнена его фамилия (скорее всего исковерканная русской орфографией) - Черний. Приняв присягу в Пензе в 1814 г., он вскоре переехал в Саратов, став приказным^{lxxiv}.

Но самым знаменитым, благодаря своему долголетию, стал уроженец Руана унтер-офицер 24-го Егерского полка Н. Савен. Приняв присягу на подданство России в 1813 г., он был первоначально причислен в общество мещан г. Хвалынска. Позднее Савен перебрался в Саратов, где выдавал себя за выходца из знатного рода, лейтенанта 2-го гусарского полка и кавалера ордена Почетного легиона. В конце 1880 - начале 1890-х годов он привлек внимание саратовских краеведов Н.Ф. Хованского, П.А. Устимовича, Ф.В. Духовникова и К. А. Военского. «Старик жил, - вспоминал К. А. Военский, - в первой части города, на Грошевой (ныне им. Ф.Э. Дзержинского. - В. Т.) улице, в небольшом деревянном домике... в три окна на улицу...»^{lxxv}. Здесь он и закончил свой жизненный путь 29 ноября 1894 г. в возрасте 106-107 лет^{lxxvi}. В память о Савене в октябре 1998 г. в Саратове на углу ул. Дзержинского и Вольской была открыта памятная доска (на русском и французском языках).

В других населенных пунктах оставались на жительство единицы, например, один военнопленный определился «соляным возщи-ком» в слободу Самойловка, три человека после принятия присяги были причислены в число мещан и цеховых г. Кузнецка. В с. Сластуха Аткарского уезда на житье остался один человек, а в с. Аблязовка Кузнецкого уезда помещик оставил у себя большую группу пленных, построил им дома и превратил в крепостных^{lxxvii}.

Таким образом, материально-бытовые условия пребывания военнопленных Великой армии в Саратовской губернии можно оценить, в целом, как вполне удовлетворительные. Проблемы, существовавшие с конца октября 1812 по февраль 1813 г., когда на территории края появилось большое количество военнопленных, отправленных сюда на жительство из других регионов России, и когда одновременно начался процесс препровождения пленных за его пределы, впоследствии были в основном решены. Тыловой характер Саратовской губернии и лояльное поведение основной массы пленных во многом предопределило благожелательное отношение к ним как со стороны администрации, так и со стороны местного населения, в первую очередь благородного сословия. Это в свою очередь позволило основной массе пленных мемуаристов вспоминать то время скорее положительно.

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ См.: Участие Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 года / Сост. Н.Ф. Хованский. Саратов, 1912; *Тотфалушин В.* Французы в Саратове: К истории 1812 года // Годы и люди. Саратов, 1992. Вып. 6; *Позднин С.В.* Военнопленные армии Наполеона в Саратовской губернии // Вопросы краеведения: Материалы краевед. чтений Волгоград, 1993; *Тотфалушин В.П.* Эпизод из жизни французских военнопленных в Саратове // Военно-исторические исследования в Поволжье: Сб. науч. тр. Саратов, 1998. Вып. 3, ч. 1; *Баширова Е.Ю.* Французы - военнопленные 1812 года в Саратове // Проблемы и перспективы сохранения, использования и развития туристических ресурсов Саратовской области: Материалы науч.-практич. конф. Саратов, 1999; *Бессонов В.А., Тотфалушин В.П.* Военнопленные Великой армии в Саратовской губернии // Проблемы изучения Отечественной войны 1812 года: Материалы Всерос. науч. конф. Саратов 30 мая - 1 июня 2002 г. Саратов, 2002; *Тотфалушин В.П.* Мемуары военнопленных «12-го года» как источник по истории Саратовского края // Краеведы и краеведение Поволжья в контексте общественного развития региона: история и современность: Материалы X межрегион. краевед. чтений, 24-25 апреля 2003 г. Саратов, 2003; и др.

- ⁱⁱ Руа И. Французы в России: Воспоминания о кампании 1812 г. и о двух годах плена в России. СПб., 1912. С. 95.
- ⁱⁱⁱ См.: Плеваков И.Н. Саратовская гарнизонная школа и военно-сиротское отделение, 1764-1826 гг. // Новый век: история глазами молодых: Сб. науч. тр. аспирантов и студентов ист. ф-та СГУ. Саратов, 2008. Вып. 6. С. 213.
- ^{iv} Руа И. Указ. соч. С. 99.
- ^v См.: Участие Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 года. С. 70-72; Иванов К.В. Военнопленные Великой армии в Российской империи // Историко-археологические изыскания. Самара, 1997. Вып. 2. С. 88-91; Белоусов С.В. Провинциальное общество и Отечественная война 1812 года (по материалам Среднего Поволжья). Пенза, 2007. С. 212.
- ^{vi} См.: Плеваков И.Н. Саратовская квартирная комиссия, 1808-1872 гг.: К истории постоянной повинности в России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. 2007. Т. 7. Сер. «История. Международные отношения». Вып. 2. С. 60-61.
- ^{vii} См.: Шенк К.Хр.Л. Сообщения из жизни французского подполковника, содержащие историю его пленения в битве при Бородино в России 7-го сентября 1812 года, его перевозки к границам Азии, о также его пребывания и содержания там в качестве военнопленного в 1813 и 1814 годах / Пер. с нем. Е.В. Ермасова, коммент. В.П. Тотфалушина // Доклады Академии военных наук. Саратов, 2004. № 12. С. 88; Ведель К.А.В., фон. История одного офицера в войне против России в 1812 году, в русском плену в 1813-1814 годах, в походе против Наполеона в 1815 году: Воспоминания / Пер. с нем. А.Н. Галямичева, коммент. В.П. Тотфалушина // Поволжский край: Сб. ст. Саратов, 2005. № 12. С. 175, 176; Вьейо Ж.Р.Р. Воспоминания одного пленного в России в 1812-1813-1814 гг. / Пер. с фр. А.В. Гладышева, коммент. В.П. Тотфалушина // Саратовский краеведческий сборник: Науч. тр. и публикации. Саратов, 2005. Вып. 2. С. 271.
- ^{viii} См.: Пенплер Ф. Описание моего плена в России с 1812 по 1814 гг. / Пер. с нем. Е.В. Ермасова при участии А.Н. Галямичева, коммент. В.П. Тотфалушина // Военно-исторические исследования Поволжье: Сб. науч. тр. Саратов, 2008. Вып. 8. С. 256; Пешке С.Б. Мое пребывание в российском плену в 1812 году / Пер. с пол. А.Н. Галямичева, коммент. В.П. Тотфалушина // Там же. Саратов, 2003. Вып. 5. С. 394, 395.
- ^{ix} Цит. по: Белоусов С.В. Указ. соч. С. 212. Примеч.
- ^x См.: Руа И. Указ. соч. С. 193.
- ^{xi} Цит. по: Тотфалушин В.П. Поволжские колонисты и Отечественная война 1812 г. // Российские немцы: Проблемы истории, языка и современного положения: Материалы междунар. науч. конф. М., 1996. С. 143.
- ^{xii} См.: Тотфалушин В.П. Французы в Саратове. С. 160.
- ^{xiii} См.: Ульянов И.Э. 1812: Рус. пехота в бою. М., 2008. С. 86.
- ^{xiv} См.: Белоусов С.В. Указ. соч. С. 188.
- ^{xv} См.: Пенплер Ф. Указ. соч. С. 251; Шенк К. Хр.Л. Указ. соч. С. 88.
- ^{xvi} См.: Руа И. Указ. соч. С. 102; Ведель К.А.В., фон. Указ. соч. С. 177.
- ^{xvii} См.: Белоусов С.В. Указ. соч. С. 213.
- ^{xviii} См.: Пешке С.Б. Указ. соч. С. 396.
- ^{xix} См.: Ведель К.А.В., фон. Указ. соч. С. 175, 177-178; Руа И. Указ. соч. С. 104; Шенк К.Хр.Л. Указ. соч. С. 88.
- ^{xx} Руа И. Указ. соч. С. 104.
- ^{xxi} Вьейо Ж.Р.Р. Указ. соч. С. 272.
- ^{xxii} См.: Миловидов Б.П., Хомченко С.Н. Военнопленные армии Наполеона в Пензенской губернии в 1812-1814 гг. // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XIII Всерос. науч. конф. Бородино 5-7 сентября. 2005 г. М., 2006. С. 274.
- ^{xxiii} См.: Руа И. Указ. соч. С. 104; Пенплер Ф. Указ. соч. С. 253.
- ^{xxiv} См.: Скопин Н.Г. Записки дневные о делах и вещах достопамятных // Саратовский исторический сборник, издаваемый Саратовской ученой архивной комиссией в память трехсотлетия города Саратова. Саратов, 1891. Т. 1. С. 453, 455. См. также: Руа И. Указ. соч. С. 104.
- ^{xxv} Бессонов В.А. Военнопленные Великой армии 1812 г. в России (по материалам Калужской губернии): Дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2001. С. 112-113.
- ^{xxvi} См.: Ведель К.А.В., фон. Указ. соч. С. 179; Пенплер Ф. Указ. соч. С. 264; Пешке С.Б. Указ. соч. С. 399; [Рюппель С.Э.] Военнопленный в сердце России, 1812-1814 гг.: Воспоминания гусар. лейтенанта Вестфальской королев. армии Эдуарда Рюппеля, обработ. и изд. Фридрихом Клеменсом Эбрандом / Пер. с нем. А.Н. Галямичева, коммент. В.П. Тотфалушина // Тр. ГИМ. Вып. 161: Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. V: Сб. материалов: К 200-летию Отечественной войны 1812 года. М., 2006. С. 299.

- ^{xxvii} См.: *Хомченко С.Н.* Военнопленные армии Наполеона в Поволжье и Приуралье в 1812-1814 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2007. С. 122, 192.
- ^{xxviii} *Гурьянова С.И.* Документы канцелярии вятского губернатора по организации в губернии медицинского обеспечения военнопленных Великой армии (1812-1814 гг.) // *Отечеств. архивы.* 2010. № 3. С. 74.
- ^{xxix} См.: *Рюппель С.Э.* Указ. соч. С. 296.
- ^{xxx} См.: Саратовская губерния глазами пленных Великой армии: Материалы к курсу «История Саратовского Поволжья» / Сост., вступ. ст. и коммент. канд. ист. наук В.П. Тотфалушина. Саратов, 2009. С. 177-180. Прил.
- ^{xxxi} Очевидно, речь идет о молитвенном доме лютеранской общины Св. Александра.
- ^{xxxii} *Рух И.* Указ. соч. С. 94-95.
- ^{xxxiii} *Пешке С.Б.* Указ. соч. С. 396.
- ^{xxxiv} Саратовская губерния глазами пленных Великой армии. С. 180. Прил.
- ^{xxxv} См.: *Гурьянова С.И.* Указ. соч. С. 74.
- ^{xxxvi} Государственный архив Саратовской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18. Л. 38. (Далее - ГАСО).
- ^{xxxvii} См. подр.: *Пепплер Ф.* Указ. соч.
- ^{xxxviii} См. *Тотфалушин В.П.* Французы в Саратове. С. 160.
- ^{xxxix} См. *Шенк К.Хр.Л.* Указ. соч. С. 88; *Пешке С.Б.* Указ. соч. С. 397..
- ^{xl} См. *Рух И.* Указ. соч. С. 102; *Ведель К.А.В., фон.* Указ. соч. С. 178
- ^{xli} См. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18. Л. 50, 54; Д. 19. Л. 107
- ^{xlii} См. Там же. Д. 19. Л. 158.
- ^{xliii} См. *Тотфалушин В.П.* «Разбор» иностранцев в 1812 году и Саратовская губерния // 1812 год: война и мир: Материалы Всерос. конф. Смоленск, 2009. С. 172-173.
- ^{xliv} См.: *Ведель К.А.В., фон.* Указ. соч. С. 178; *Рух И.* Указ. соч. С. 116; *Рюппель С.Э.* Указ. соч. С. 294; *Шенк К.Хр.Л.* Указ. соч. С. 89.
- ^{xliv} См.: *Пепплер Ф.* Указ. соч. С. 263; *Пешке С.Б.* Указ. соч. С. 395.
- ^{xlvi} См.: *Пепплер Ф.* Указ. соч. С. 251; *Рюппель С.Э.* Указ. соч. С. 293, 294.
- ^{xlvii} См., напр.: *Шенк К.Хр.Л.* Указ. соч. С. 90, 91.
- ^{xlviii} См.: *Боголюбов А.Н.* Жан Виктор Понселе: 1788-1867. М., 1988. С. 7.
- ^{xlix} *Духовников Ф.В.* Немцы, другие иностранцы и пришлые люди в Саратове // Саратовский край: Ист. очерки, воспоминания, материалы. Саратов, 1893. С. 247.
- ⁱ *Рух И.* Указ. соч. С. 193, 200. См. также: *Ведель К.А.В., фон.* Указ. соч. С. 172, 174; [*Додеваард Д., ван*] Воспоминания Д. ван Додеваарда / Пер. с гол. М.Е. Кроль, коммент. В.П. Тотфалушина // Тр. ГИМ. Вып. 179: Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. VII: Сб. материалов: К 200-летию Отечественной войны 1812 года. М., 2008. С. 386; [*Иелин Х.Л.*] Достопамятные дни моей жизни: Поход и плен в России: Из дневника одного немецкого офицера // Саратовский край глазами чужеземцев / Пер. с нем. и пол. А.Н. Галямичева, коммент. В.П. Тотфалушина // Волга - XXI век. Саратов, 2004. № 7-8. С. 205; *Пепплер Ф.* Указ. соч. С. 252; *Шенк К.Хр.Л.* Указ. соч. С. 90, 97.
- ⁱⁱ См.: *Пешке С.Б.* Указ. соч. С. 405; В.Ю. [*Юрьев В.П.*]. Саратов в XIX веке (1800-1900 г.) // Весь Саратов на 1900 год: Адрес-календарь, торг.-пром. и справ. книга. Саратов, 1899. С. 34.
- ⁱⁱⁱ *Ведель К.А.В., фон.* Указ. соч. С. 173.
- ⁱⁱⁱⁱ *Тотфалушин В.П.* Поволжские колонисты... С. 143.
- ^{liv} *Миловидов Б.П.* Пленные Великой армии, оставшиеся в России: к постановке проблемы // Отечественная война 1812 года и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях: Сб. материалов Всерос. науч. конф. 24 окт. 2009 г. Малоярославец, 2009. Вып. XVII. С. 79.
- ^{lv} См.: *Рух И.* Указ. соч. С. 92-93, 96.
- ^{lvi} См.: *Lettres du commandant Coudreux a son frère*, 1804-1815. P., 1908. P. 215, 222.
- ^{lvii} См.: *Ведель К.А.В., фон.* Указ. соч. С. 172, 174; *Додеваард Д., ван.* Указ. соч. С. 386; [*Иелин Х.Л.*] Указ. соч. С. 205; *Пепплер Ф.* Указ. соч. С. 252; *Шенк К.Хр.Л.* Указ. соч. С. 90, 97.
- ^{lviii} См.: *Шенк К.Хр.Л.* Указ. соч. С. 89-90.
- ^{lix} См.: *Рух И.* Указ. соч. С. 100.
- ^{lx} *Шенк К.Хр.Л.* Указ. соч. С. 93. См. также: *Ведель К.А.В., фон.* Указ. соч. С. 184.
- ^{lxi} *Шенк К.Хр.Л.* Указ. соч. С. 92.
- ^{lxii} К избранию Понселе членом-корреспондентом С.-Петербургской Академии наук / Под ред. Т.П. Кравца / Пер. с фр. Т.Н. Кладо // Изв. АН СССР. Отд. техн. наук. 1955. № 4. С. 128.

- ^{lxxiii} См.: *Беллюстин В.К.* Как постепенно дошли люди до настоящей арифметики. М., 1906. С. 23.
- ^{lxxiv} См.: *Миловидов Б.П.* Пленные Великой армии... С. 79.
- ^{lxxv} *Тотфалушин В.П.* Поволжские колонисты... С. 143.
- ^{lxxvi} [*Иелин Х.Л.*] Указ. соч. С. 73.
- ^{lxxvii} Подр. см.: *Сироткин В.Г.* Судьба французских солдат в России после 1812 года // *Вопр. истории.* 1974. № 3.
- ^{lxxviii} См.: *Духовников Ф.В.* Указ. соч. С. 248, 249.
- ^{lxxix} *Дитц Я.Е.* История Поволжских немцев-колонистов. М., 1999. С. 228.
- ^{lxxx} См.: *Тотфалушин В.П.* Поволжские колонисты... Прил. 3.
- ^{lxxxi} См.: Там же. С. 144, 145.
- ^{lxxxii} См.: *Духовников Ф.В.* Указ. соч. С. 247; *Духовников Ф.В., Хованский Н.Ф.* Саратовская летопись // *Саратовский край.* С. 59.
- ^{lxxxiii} См.: *Саратовский листок.* 1912. 22 авг.; *Хованский Н.Ф.* Дополнение к сборнику «Участие Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 года» // *Тр. СУАК.* Саратов, 1913. Вып. 30. С. 113.
- ^{lxxxiv} См.: *Миловидов Б.П., Хомченко С.Н.* Указ. соч. С. 266.
- ^{lxxxv} *Военский К.А.* Из воспоминаний о последнем офицере армии Наполеона // *Рус. старина.* 1896. № 4. С. 110.
- ^{lxxxvi} См. подр.: *Тотфалушин В.П.* Жизнь и судьба Ж.-Б. Савена в свете новых фактов // *Бородино и наполеоновские войны: Битвы, поля сражений, мемориалы: Материалы Междунар. науч. конф. Бородино, 9-11 сентября 2002 г.* М., 2003; *Новое о легендарном Савене / Публ., предисл. и коммент. В.П. Тотфалушина* // *Тр. ГИМ.* Вып. 142: Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. III: Сб. материалов: К 200-летию Отечеств. войны 1812 года. М., 2004; *Мезин С.А.* Исторический курьез // *Изв. Сарат. ун-та.* Т. 7, вып. 2.
- ^{lxxxvii} См.: *Минх А.* Село Белгаза-Маматовка: Из записок 1870 года бывшего мирового посредника // *Сарат. губерн. ведомости.* 1880. 16 февр., 21 февр.; *Духовников Ф.В.* Указ. соч. С. 246, 249; *Хованский Н.Ф.* О прошлом города Саратова. Саратов, 1891. С. 26-27; *Юрьев В.П.* Указ. соч. С. 33. *Бессонов В.А., Тотфалушин В.П.* Указ. соч. С. 174; *Белоусов С.В.* Указ. соч. С. 209. Примеч.